

Теория фразеологии вступила в новый этап развития. Если в предыдущие десятилетия основное внимание фразеологов было сконцентрировано на описании и систематизации фразеологического материала различных языков (ср. известные работы В.П. Жукова, А.В. Кунина, И.И. Чернышевой, А.Г. Назаряна, В.М. Мокиенко, Т.З. Черданцевой и др.), то в настоящее время идет интенсивный поиск новых методов анализа фразеологии. В последние годы появились работы, ставящие своей целью ввести фразеологию в более широкий научный контекст и наметить ее связи с различными парадигмами современной лингвистики, в том числе с семиотической [1], типологической [2], компьютерной [3], когнитивной [4] и т.п.

В рецензируемой книге предпринимается попытка описания фразеологических систем русского и словацкого языков в терминах лингвистической статистики. Анализируемый материал рассматривается с трех точек зрения: 1) с дидактической, 2) с коммуникативно-функциональной и 3) с семантической (с. 210). Отличительной особенностью концепции автора является рассмотрение фразеологизмов не столько в аспекте их так называемого "целостного значения", сколько в аспекте их "речевого происхождения". Такой подход имеет, при всей своей необычности и нетрадиционности, определенные преимущества, поскольку традиционные исследования по фразеологии опирались, как правило, на функционально-номинативные параметры, определяя фразеологизм как единицу лексикона, рядоположенную слову, и мало внимания уделяли тому факту, что основной парадокс фразеологии состоит в том, что фразеологизм — это одновременно и сочетание слов (причем не только этимологически, но и в наивном языковом сознании). С этой точки зрения подход, предлагаемый автором, в известной степени компенсирует недостатки односторонней "целостно-номинативной" интерпретации. "В отличие от предыдущего, синтетического исследования функции фразеологизма как целостной единицы, наши наблюдения мы ориентировали на функциональный характер слов, составляющих фразеологизм, т.е. на исследование меры образности, оценки и экспрессии отдельных слов фразеологизма" (с. 211). Как видно из приведенного высказывания, в основе концепции автора лежит не только "аналитический" подход к изучению природы фра-

зеологизма, но и последовательное разграничение основных семантических параметров фразеологии: образности, оценки и экспрессивности. Каждый из этих семантических параметров оценивался с точки зрения их интенсивности и может принимать значения 0, 1, 2 (для образности и оценки) и 0, 1, 2, 3 (для экспрессивности). Таким образом, каждому слову-компоненту фразеологизма приписывался трехместный индекс от 000 (для нейтральных компонентов) до 223. "По меняющейся интенсивности отдельных функций можно было определить следующее общее правило валентности функциональных критериев: если образность нулевая или совсем незначительная, т.е. если она не превышает степень 1 и если одновременно или независимо от этого такой же степени достигает и критерий оценки, то критерий экспрессии не может достичь высшей степени, или же это встречается весьма редко. Было выявлено, что экспрессия при отсутствии или слабой степени проявления критерия образности и оценки слабеет, т.е. она представляет собой зависимый функциональный критерий" (с. 214).

По данным параметрам словацкая и русская фразеологические системы обнаруживают значительное сходство, как, впрочем, и по параметру фразеологической активности отдельных слов. Наблюдения над частотностью тех или иных фразеологических компонентов подтвердили известный семантический закон: чем шире объем значения слова, тем выше его частотность, и наоборот.

Что касается исследования фразеологической активности компонентов, то полученные результаты представляют значительную самостоятельную ценность. Так, например, выявлено, что в качестве наиболее частотных фразеологических компонентов в русском языке выступают следующие: *глаза, голова, рука, дело, душа, нога, сердце, дорога, нос, день, слово, жизнь, ухо, свет, палец, кровь, язык, дух* (с. 163—164), глаголы: *дать/давать, быть, жить, идти, держать, знать, (с)делать, выйти, брать, пойти, поставить, стоять, ходить, войти, попасть, находиться, глядеть, показывать, смотреть* (с. 192), прилагательные: *последний, живой, чужой, белый, открытый, добрый, пьяный, старый, большой, золотой, черный, горячий, полный, собственный, малый, небесный, пустой, святой, хороший, целый* и т.д. (с. 201).

Русский и словацкий языки обнаружи-

вают значительное сходство не только относительно набора наиболее частотных компонентов, но и относительно рангового порядка представляемых ими понятийных таксонов. Ср., например, для существительных: части человеческого тела; географические, метеорологические, световые, временные, пространственные явления и явления природы; конкретные проявления и результаты физиологической, психологической и речевой деятельности человека; предметы, инструменты, орудия и их части, явления отвлеченного характера; конкретная деятельность человека и ее результаты, мифические сущности; номинации лиц по различным основаниям; жилые районы, отдельные здания, их части и оборудование; вещества, материалы, ископаемые; одежда и ее части (см. с. 216).

В глагольной сфере между словацким и русским языками наблюдаются заметные различия. Так, глаголы *byt'* и *mat'* значительно более частотны, чем русские *быть* и *иметь*. Это, однако, не является собственно фразеологическим феноменом, а связано с различными способами выражения предикации и посессивности в русском и словацком языках, что вновь подтверждает тезис об отражении во фразеологии типологически существенных характеристик строя соответствующего языка (см. [2]).

К недостаткам работы можно отнести

некоторую произвольность в определении степени образности, оценочности и экспрессивности. Поскольку эти семантические параметры являются не только словарными, но и в первую очередь текстовыми категориями, зависят от интенции и эмпатии говорящего, то приписывание им определенных значений, обладающих числовым выражением, представляется спорным. Также и само понимание категорий образности, оценочности и экспрессивности нуждается в некотором уточнении. Их интерпретация в рецензируемой книге представляется (в особенности на фоне работ [5, 6], кстати, не учтенных автором) несколько однозначной и прямолинейной.

Хотя, как мы уже сказали, рассмотрение фразеологизмов с "аналитических" позиций кажется вполне оправданным, сомнения вызывает попытка определить коннотативный потенциал отдельных компонентов. Разложение фразеологизма на составные части возможно на структурном уровне и даже, в известной степени, на уровне пропозитивного значения, однако модальная рамка конституируется лишь фразеологическим знаком как целым.

Оценивая книгу М. Сотака в целом, необходимо подчеркнуть, что она представляет несомненный интерес как для фразеологов, так и для специалистов в области лингвистической статистики.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. *Stalm A.* Semiotik und Phraseologie: Zur Theorie fester Wortverbindungen im Russischen. Bern etc., 1987.
2. *Dobrovolskij D.* Phraseologie als Objekt der Universalienlinguistik. Leipzig, 1988.
3. Фразеогрaфия в Мaшинном фонде русского языка. М., 1990.
4. *Баранов А.Н., Добровольский Д.О.* Структуры знаний и их языковая онтологизация в значении идиомы // Уч. зап. Тартуского гос. ун-та. 1990. Вып. 720: Труды по искусственному интеллекту.
5. *Телия В.Н.* Коннотативный аспект семантики номинативных единиц. М., 1986.
6. *Караулов Ю.Н.* Русский язык и языковая личность. М., 1987.

Добровольский Д.О.